

„ТРИ СЛАВНЫХ ДНЯ“

ИЗДАНИЕ
А.А. ПАНАФИДИНА.

рис. Д. Копылов

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
А. Я. Панафидина

МОСКВА, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I.—П. стыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Минѣшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изданіе 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Тоже. Вып. II-ой. — Иностранцы лѣсовъ (Сибирь, съ рисунг. Броза и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Мавягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и толкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога учебн. библ. средн. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читалень. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

В. И. Немировичъ-Данченко.

А $\frac{257}{187}$

ТРИ СЛАВНЫХЪ ДНЯ.

(ИЗЪ ВОЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

VII.

СОБСТВЕННОСТЬ КНИЖНАГО СКЛАДА,

спеціально для иногороднихъ,

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13,

въ Москвѣ.

МОСКВА.

Первая женская типографія Е. Гербекъ, 2-я Мѣщанская, 26.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, апрѣля 29 дня 1899 г.

925887-36

2007052687

ТРИ ДНЯ.

(Изъ военныхъ воспоминаній).

I.

Изъ Тырнова на Шибку.

Я пріѣхалъ въ Тырново, — главный городъ Придунайской Болгаріи, въ первыхъ числахъ августа, и хотѣлъ устроиться здѣсь, какъ вдругъ узналъ, что турки съ юга перешли въ наступленіе и громадными полчищами ринулись на Шибкинскіе перевалы. Султанъ приказалъ Сулейману и Реуфу пашамъ во что бы то ни стало отнять у русскихъ этотъ проходъ, при чемъ самыя ущелья и горы его называлъ „своимъ сердцемъ“. Движеніе турокъ было до того секретно, что наканунѣ мы о немъ ничего не знали. Съ вершинъ позицій на Еленъ*) казалось, что турки идутъ туда. Поэтому въ Еленъ направилась бригада Драгомирова и четвертая бригада стрѣлковъ, а въ это время на жалкую горсть въ 3,000 человекъ орловцевъ и болгарской дружины опрокину-

*) Мѣстность къ востоку отъ Тырнова.

лось 60,000 войска Реуфа и Сулеймана. Понятно, что ранѣе трехъ дней изъ ближайшаго къ Шибкѣ корпуса Радецкаго, ея защитникамъ не могло быть оказано ни малѣйшей помощи. Нашимъ солдатамъ, поддерживаемымъ двумя батареями, приходилось драться съ превосходными силами, одному противъ двадцати. Эти три дня навсегда будутъ нашей гордостью и славой, хотя для малочисленнаго отряда Шибки они были мученичествомъ, скорбнымъ листомъ.

Еще за нѣсколько дней до 9-го августа, когда началась эта удивительная безпримѣрная защита, черкесы по ту сторону горы стали забирать у болгаръ всѣ перевозочныя средства. Сулейманъ три недѣли занимался передъ тѣмъ сборомъ и обученіемъ мустегафиса (турецкаго ополченія), усиленнаго турецкими войсками, вернувшимися изъ Черногоріи. Послѣ этого армія двухъ нашей перевалила черезъ Малые Балканы въ довину Тунджи и сосредоточилась въ Ризаревѣ. Въ окрестностяхъ Елена показали ихъ передовые отряды, подавъ поводъ къ нашей ошибкѣ. Реуфъ и Сулейманъ везли за собою до ста орудій, преимущественно горныхъ. По дорогѣ — оставленныя болгарами деревни сжигали, убѣжавшихъ въ лѣсъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей истязали и затѣмъ убивали. Съ этою цѣлью по лѣсамъ рыскали черкесы и баши-бузуки. Въ одномъ мѣстѣ баши-бузуки наткнулись на скопище бѣглецовъ. Всѣ

были перебиты, за исключеніемъ дѣвушекъ. Несчастныхъ раздѣли, погнали въ свой лагерь, мучили два дня и, когда было получено приказаніе двигаться дальше, обезглавили. Одновременно съ этимъ, чтобы поразить населеніе Болгаріи паническимъ страхомъ, выжжено до ста двадцати деревень, населеніе ихъ истреблено, а въ крупныхъ городахъ убиты наиболѣе уважаемые болгары. Такъ, въ Филиппополѣ умерщвлено двѣнадцать самыхъ богатыхъ и почтенныхъ семей, умерщвлено сплошь, при чемъ даже дѣтямъ двухъ и трехъ лѣтъ не дано пощады. Въ Адрианополѣ казни стали обычнымъ явленіемъ; трупы валялись на мостовыхъ, висѣли у домовъ ненавистныхъ туркамъ европейцевъ.

Турецкая армія, двигавшаяся на Шибку, имѣла передъ нами еще одно преимущество. Она располагала превосходной кавалеріей. Сверхъ побывавшихъ на Черной горѣ и мустегафиса въ нее вошли арнауты, а теперь и египетскія войска, съ 14-го числа появившіяся неожиданно передъ Шибкой. Во всѣхъ городахъ, по которымъ они только проходили, турки, по приказанію пашей, забирали болгарское платье и уносили его съ собой. Потомъ мы увидимъ, что это было не безъ цѣли и позволило туркамъ отлично справляться тамъ, гдѣ мы ходили во тьмѣ. Въ войскахъ Сулеймана и Реуфа оказывалось множество европейцевъ, при чемъ, по показаніямъ плѣнныхъ, пере-

бѣжчиковъ и лазутчиковъ, тамъ было пятнадцать англичанъ, которые, черезъ переводчиковъ, давали совѣты пашамъ. Послѣ узнали, что англичанъ только пятеро, остальные — мадьяры. Мнѣ свѣдѣнія эти были доставлены въ Тырновѣ. Оставались сутки пути. Медлить нельзя было. Вездѣ только и слышалось:

— Войска скоро двинутся... Не дадутъ отдохнуть даже тѣмъ, которыя только что вернулись изъ Елена.

— Положеніе очень серьезно — торопитесь.

— Сегодня ночью ѣдетъ Драгомировъ, а Радецкій уже уѣхалъ.

— Тамъ уже цѣлый день идетъ бой. Я думаю, что только сейчасъ къ пяти болгарскимъ дружинамъ и семи ротамъ орловскаго полка подошло еще 8 ротъ послѣдняго. Артиллерія тоже не особенно... Уже двадцать атакъ сдѣлано. Въ Габровѣ населеніе слышало вчера канонаду. У нашихъ не стало припасовъ, и снаряды на исходѣ...

Нѣсколько часовъ назадъ посланъ на Шибку брянскій полкъ, а въ ночь должны туда же выступить бригада генерала Драгомирова, т.-е. житомирскій и подольскій полки, стрѣлковая бригада генерала Цвѣцинскаго, состоящая изъ 13, 14, 15 и 16-го батальоновъ, взводъ горной батареи и двѣ полевыхъ...

Опасность положенія доказывалась еще тѣмъ, что почти всѣ зажиточные габровцы двинулись въ Тырново. Этотъ городъ и вся

дорога на югъ были переполнены бѣглецами. Пануганное разказами о злодѣйствахъ турокъ, населеніе окрестныхъ селъ и мѣстностей, лежащихъ къ югу до Балканъ, искало спасенія здѣсь, перемѣшавшись съ выходцами изъ долинъ Тунджи и Марицы. Улицы сплошь были переполнены ими. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ трудно пробиться впередъ. Несчастные бѣгутъ, навьючивъ оставшихся у нихъ воловъ и лошадей хламомъ, который удалось выхватить изъ дому въ виду приближенія безжалостныхъ истребителей. Городскіе жители и тутъ отличаются отъ сельскихъ. У нихъ повозки, изъ повозокъ пестрѣютъ цвѣтные ковры, красныя и желтыя подушки. Верхомъ на лошадахъ и въ повозкахъ старухи съ дѣтьми на рукахъ. Обиліе дѣтей изумительное. Еще несчастнѣе поэтому кажутся и безъ этого жалкіе бѣглецы. Зачастую медленно переступаетъ лошадь или осель, чуть не сгибаясь подъ тяжестью вьюковъ. Посрединѣ на спинѣ животнаго, между вьюками, спитъ двухлѣтнее дитя, подставивъ смуглое личико палящимъ солнечнымъ лучамъ. Если вы увидите здороваго болгарина, то у него на шеѣ, осѣдлавъ ее ногами и схватившись ручонками за его голову, болтается мальчуганъ, видимо, уставшій, а на рукахъ сидитъ дочка, прильнувъ головкою къ отцовскому плечу. За нимъ едва бредетъ истощенная до послѣдней крайности жена съ груднымъ

ребенкомъ. Иногда у такой семьи и имущества нѣтъ никакого. Ни осла, ни коня, ни вола. Видимо, выскочили въ чемъ есть. Случаются и брошенные дѣти—идутъ и плачутъ... Однихъ оставили родители, у другихъ отецъ и мать зарѣзаны, спаслись только они сами—безпомощныя, ничего не могущія сдѣлать своими крошечными ручонками.

Намъ показали ребенка, котораго началъ было рѣзать да не дорѣзалъ какой-то злодѣй. Несчастливая дѣвочка такъ и осталась безъ уха, а немного спустя, мы встрѣтили сумасшедшую мать. У нея былъ мужъ и шестеро дѣтей. Турки на ея глазахъ доканали всѣхъ. Какъ уцѣлѣла она и зачѣмъ—Господь вѣдаетъ... Эта улыбается всѣмъ, смѣется, пока не увидитъ ребенка, а увидитъ—зарыдаетъ и давай биться головой объ стѣны. Нѣсколько человѣкъ бездѣтныхъ болгаръ подобрали и везутъ съ собой брошенныхъ птенцовъ. Общее выраженіе какой-то тупой тоски и боли... Случается видѣть солдата съ ребенкомъ на рукахъ, а около ковыляетъ старушонка. Видимо, притомилась—ей и помогъ какой-нибудь Ѳедоръ Гавриловъ, оставившій за тысячи верстъ въ убогой деревенькѣ такое же крохотное дитя... Разъ какъ-то попался офицеръ болгарской дружины верхомъ. У него на рукахъ двое дѣтей, а держась за стремя идетъ ихъ мать. Контрастъ суроваго, бородатаго, точно солнцемъ сожженнаго лица съ наивными двумя

головками поразительный... По сторонамъ дороги расположились на отдыхъ цѣлые караваны. Волы тщетно ощиываютъ уже ранѣе съѣденную луговую траву, курятся костры, фыркаютъ лошади, у обдѣланныхъ плитами источниковъ и бассейновъ группы женщинъ и дѣтей со всевозможной посудой въ рукахъ... Мужчины—тѣ при волахъ или у костровъ. Иной разъ обступитъ васъ толпа и проситъ не денегъ—а хлѣба... Даете денегъ—негдѣ купить, отказываются... Сердце разрывается отъ боли, видя этихъ матерей.

— Чего ты?—остановился я надъ плачущей женщиной.

У ея колѣнъ спало трое малютокъ.

— Ляба няма!.. (Хлѣба нѣтъ).

При словѣ „ляба“ голодные дѣти, вѣрно, услыхавшія въ чуткомъ, нервномъ снѣ, вскочили, вцѣпились въ нее. „Хлѣба, хлѣба!..“

Бѣдная только сильнѣе еще зарыдала. Сегодня накормили ихъ мы, а кто накормитъ завтра?

Въ Тырновѣ переселенцы и бѣглецы каждое утро ходятъ изъ дома въ домъ просить милостыню. Ко мнѣ пришла убитая горемъ женщина. Стоитъ и молчитъ, видимо, Христа ради, проситъ стыдится, точно ей хочется подальше отъ людскихъ глазъ уйти.

— Прежде жена богатаго купца жила въ Эски-Загрѣ. Мужа и старшаго сына, взрослога уже, убили, осталась съ малюткой, безъ всякихъ средствъ, — объясняли мнѣ.

— Крикнули ему „уссуръ“, мужу—и конецъ! — прибавила она сама по-болгарски.

Когда вырѣзываютъ болгарскіе города и села, то, налетая верхомъ на бѣгущую жертву, турокъ кричитъ ей „уссуръ“. Болгаринъ безотвѣтно становится на колѣни и протягиваетъ впередъ голову, покорно складывая руки на груди... Отсѣченная однимъ ударомъ ятагана, голова скатывается на землю. Турки въ Эски-Загрѣ кричали то же самое нашимъ солдатамъ и офицерамъ, но, разумѣется, вмѣсто покорности, получали удары штыкомъ или выстрѣлъ изъ револьвера. Кстати, къ этому ужасному истребленію болгаръ, привести то, что за Балканами, боясь мести болгаръ, возставшихъ всюду противъ притѣснителей, полтора ста турецкихъ женщинъ пришли въ нашу уральскую сотню и попросили ея покровительства на одинъ день. Ихъ накормили, напоили, уступили имъ нѣсколько палатокъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что турчанки довольно долгое время слѣдовали за этимъ отрядомъ на даровомъ хлѣбѣ. При этомъ чистота отношеній уральцевъ къ своимъ гостямъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Уральская сотня—въ большинствѣ старообрядцы и отличаются замѣчательною строгостью нравовъ.

Многіе изъ бѣглецовъ - болгаръ носятъ ружья, у всѣхъ за поясомъ ножи, у нѣкоторыхъ есть и пистолеты. Они говорятъ, что турки не позволяли имъ даже ножей имѣть,

не говоря уже о другомъ оружїи. Вообще — населеніе было на арестантскомъ положенїи... Въ городахъ, гдѣ смѣшанно жили турки и болгары, христіанки не имѣли права гулять въ единственно прохладное время — вечеромъ, потому что разныя „ханумъ“*) выходили въ это время изъ своихъ гаремовъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Бѣглецы болгаре слѣдуютъ за войсками постоянно. Они кормятся между солдатами, которые особенно „жалѣютъ“ дѣтей. Тутъ и спятъ между палатками.

„Эй, братушка, сзываютъ ихъ, — иди сухари получай“.

Путь изъ Тырнова шелъ сначала берегомъ р. Янтры, гремящей среди громадныхъ скалъ. Надъ этими скалами всползаетъ на самую макушку горы весь сверкающій на солнцѣ городъ. Это цѣлая масса зданій, суживающаяся кверху; одни на кровляхъ другихъ — безъ промежутковъ, безъ клочка земли; все очень напоминаетъ Тифлисскій авлабаръ. Только, разумѣется, тамъ красивѣе и грандіознѣе. Хотѣлось остановиться на чудныхъ картинахъ окрестностей — но тяжелая дѣйствительность на каждомъ шагу выдвигала передъ нами одну за другою печальныя подробности похода. Уже подъ самымъ Тырновомъ — лежатъ у дороги отставшіе солдаты. Изъ нихъ усталыхъ мало — большин-

*) Ханумъ — турецкія женщины.

ство пораженные солнечнымъ ударомъ. Распаренное красное лицо, остеклѣвшіе глаза, бессильно раскинутыя руки. Видимо, не хватило силъ даже ранцы съ себя сбросить. Гдѣ одинъ, гдѣ два. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, а верстахъ въ десяти-двѣнадцати вдоль дороги разбросаны. Около каждаго солдата — болгарки. Одна обливаетъ ему голову водой, другая поить его, третья держитъ надъ нимъ тряпку отъ солнца. Отлежится — встанетъ, бѣдняга, и опять побредетъ впередъ. Наконецъ, въ пятнадцати верстахъ отъ Тырнова, мы замѣтили впереди пріостановившійся житомирскій полкъ.

— Что это, братцы, отдыхаете?

— Отдыхаемъ... поглянте-ко! — показалъ солдатъ направо.

Круто къ утонувшей въ зелени Янтрѣ спускается поросшій кукурузой берегъ. Между стеблями точно сотня труповъ разбросана. Подходимъ — и сердце сжимается. Стоны, крики, вопли, вымученные болью. Въ разныхъ положеніяхъ лежатъ солдаты. Одни въ истомѣ, почти омертвѣвшіе, другіе съ красными лицами и точно поджаренною сверху грудью... Тяжело подымается эта грудь, и каждый разъ, какъ опустится она — хриплый стонъ проникаетъ къ вамъ въ душу. Нѣкоторые стонутъ чаще и чаще, стонъ переходитъ въ крикъ, и крикъ безпамятный, безотчетный... Пароксизмъ усиливается, крики становятся ди-

кими, тѣло начинаетъ вздрагивать, члены движутся произвольно, видимо, мускулы сокращаются беспорядочно, порывисто быстро,—ноги въ одну, руки въ другую сторону. Въ глазахъ — ужасъ совершенно помѣшаннаго человѣка... Пароксизмъ все растетъ. Несчастливаго подбрасываетъ на землѣ, онъ начинаетъ вытягивать шею вверхъ, выгибаетъ голову назадъ, точь-въ-точь, какъ дѣлаютъ это женщины во время трудныхъ родовъ. Такъ и кажется, вотъ-вотъ свихнется глотка. На одного такого попробовали брызнуть водой—онъ отпрянулъ, точно что-то отбросило его, и дикій нечеловѣческій крикъ покрылъ сотни больныхъ стenanій и воплей... Еще тяжелѣе, когда видишь и слышишь сильнаго бородача, который, немощно разметавшись, начинаетъ всхлипывать у вашихъ ногъ, какъ маленькій ребенокъ.

Цѣлый день жара убійственная, рѣдкая даже для этого знойнаго климата, и въ эту-то именно жару полкъ поднялся въ 4 часа утра и до 5 вечера, когда мы его увидѣли, сдѣлалъ пятьдесятъ шесть верстъ! Это съ шинелями, сухарями и чуть ли не ранцами за плечами. Настоящій суворовскій переходъ съ тѣмъ различіемъ, что у Суворова люди шли безъ всякой ноши.

— Должно быть, скверно на Шибкѣ!

— А что?

— Драгомировъ знаетъ, что лучше здѣсь положить сто солдатъ, чѣмъ тамъ потерять

нѣсколько полковъ, повѣрьте, онъ спѣшитъ
недаромъ!

Потомъ это предположеніе оправдалось
вполнѣ.

Нѣкоторыя болгарки пробрались и сюда.
Головы солдатъ у нихъ на колѣняхъ. По-
могаютъ чѣмъ и какъ могутъ... Солдаты
здоровые, отдыхающіе около, тоже изморены
до невозможности. Подъ каждымъ деревомъ,
гдѣ только есть клочокъ тѣни — насыпано
ихъ такъ, что яблоку упасть негдѣ. И совер-
шенно несвойственное нашему христіанскому
войнству молчаніе царитъ тутъ. Ни смѣ-
ха, ни шутки, ни пѣсни. Сидятъ, положивъ
голову на колѣни и охвативъ ихъ руками, — и
ни слова. При этомъ ни упрека, ни жалобы.

— Надо итти, ничего не подѣлаешь!

— Своимъ помочь подать... отозвались ему
голоса изъ молчаливой толпы.

Пострадавшіе полки — уже третій день въ
пути. Сначала ихъ погнали изъ Тырнова
въ Еленъ, а потомъ, не давъ отдохнуть,
изъ Елена въ Тырново и отсюда въ Шибку.
Пали не одни солдаты — упалъ одинъ рот-
ный командиръ, не выдержалъ, несмотря
на то, что налегкѣ шелъ.

Въ послѣднее время очень перемѣнились
отношенія солдатъ къ болгарамъ. Прежде,
когда наши солдаты видѣли только сѣвер-
ныхъ болгаръ, они не иначе называли ихъ
какъ „молдаванами“, „турками“ и т. п. Те-
перь „бургары“ въ большомъ почетѣ.

— Эй, братушка, садись... Чего ты стоишь? приглашаютъ солдаты въ тѣнь болгаръ, идущихъ за полкомъ.

— Тоже жалѣютъ солдата .. по всей дорогѣ для насъ воду держать и студеную еще... Упадешь—всякую тебѣ защиту сдѣлаетъ и доведетъ тебя, если не сможешь.

— Спасаютъ насъ!..

Бѣдетъ ли кто-нибудь изъ Габрова навстрѣчу—солдаты обступаютъ.

— Держатся ли еще наши?

— Держатся, идите скорѣй... Плохо.

— Даи Господи... Вотъ помочь подадимъ.

— Спасибо второй горной батарее...

— Артиллеристы—защита, что говорить.

Гранатой его донимаютъ, только онъ сунется,—а ему картечь въ лобъ. Онъ и не любить...

— Офицеровъ страсть что перебито!..

— Царство небесное!..

Вѣсти тревожныѣе и тревожныѣе. „Держатся, но простоятъ недолго... Турокъ сила большая наступила, со всѣхъ сторонъ пруть на Шибку... Начальникъ штаба болгарскаго ополченія Рынкевичъ раненъ... Турки обошли насъ. Народу цѣлые рвы съ верхомъ набито!“

Солдаты подбираются и идутъ впередъ...

А направо и налево превосходно обработанныя поля, тучныя нивы... Вершины горъ тонутъ въ безоблачномъ небѣ, сады мягко круглятся за красивыми безъ всякаго цемента сложенными каменными оградами, въ ло-

щинахъ по каменнымъ скатамъ бѣгутъ ручьи.

Сады все чаще и гуще. Близко Дреново, утонувшее въ зелени. Весь въ ея благоуханныхъ облакахъ городъ сползаетъ къ рѣкѣ, гремящей въ скалахъ, вмѣстѣ съ ними онъ перекидывается на другую сторону. Надъ улицами висятъ выступающіе впередъ верхніе этажи домовъ. Черезъ карнизы перебрасываются виноградныя лозы, нѣкоторыя заплели сплошь деревянную ветхую стѣну и даже хотятъ окно заполнить, такъ и лѣзутъ внутрь цѣпкими стеблями... Все, что живетъ здѣсь и дышитъ—выбѣжало на улицы. Въ глазахъ свѣтится радость, намъ бросаютъ цвѣты, пучки пахучей травы. Еще бы, войско идетъ—залогъ, что хоть эти дни въ мирномъ городѣ не будетъ рѣзни и хотя на эту ночь улыбающіяся дѣти и цвѣтушія дѣвушки могутъ заснуть спокойно... Какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ бросила мнѣ сливъ, другая раздаетъ солдатамъ, кому успѣетъ всунуть въ руки, куски свиного сала. На перекресткѣ чаны съ водой и нѣсколько стариковъ съ чашками въ рукахъ поятъ усталыхъ ратниковъ.

Луна тихо всплыла надъ массаами Балканъ. Невольно взглядъ уходилъ туда, гдѣ теперь, честно охраняя насъ, умирали орловскій полкъ и болгарская дружина. Вчера еще пришли бы сюда, кабы не грезилась армія Сулеймана тамъ, гдѣ ея и не было..

Пирамидальные тополи высоко возносили по сторонамъ тонкія вершины, вездѣ горѣли костры, озаряя усталыя, изнеможенные лица. Вся дорога еще гуще усѣяна бѣглецами, но только скарбу у нихъ больше, возы десятками, ковровъ и подушекъ груды. Что это за богачи? Оказывается, что въ ожиданіи турецкаго нашествія полкъ Габрова бѣжало сюда. Оно и собратъся имѣло время, да и турки не разоряли этотъ исключительно болгарскій городъ... Къ незнакомымъ болгарамъ относятся недоувѣрчиво. Дѣло въ томъ, что разнесся слухъ о переодѣтыхъ въ болгарское платье туркахъ. Извѣстно положительно, что, какъ и болгары, черкесы понавѣшали себѣ кресты на шапки и, проникая въ болгарскіе бивуаки, беспощадно рѣжутъ, кого успѣютъ. Турецкіе лазутчики такъ смѣлы, что на дорогѣ нашъ отрядъ встрѣтилъ четырехъ изъ нихъ, привявшихся уже рѣзать болгарское семейство. Двое убѣжали, двое попались, при чемъ одинъ изъ нихъ бросилъ внизъ со ската свертокъ съ бумагами. Одна дѣвочка по дорогѣ бѣжитъ рыдая. Останавливаютъ; оказалось, что несла на рукахъ маленькаго братишку; неизвѣстно какой человѣкъ съ „крестомъ на шапкѣ“ выхватилъ малютку и бросилъ его въ воду сверху. Солдаты только зубами скрипятъ, слушая. А тамъ вонъ изъ того горнаго хребта, покрытаго лѣсомъ, раздался вдругъ выстрѣлъ,

и одинъ несчастный, укладывавшій спать жену и дѣтей подѣ телѣгой, упалъ пробитый пулею насквозь. Какой-то злодѣй сталъ рѣзать женщину на дорогѣ, да не дорѣзалъ— помѣшали, бросилъ ее — такъ и бьется несчастная въ предсмертной агоніи.

Видимо, приближаются мѣста тревожныя, опасныя. Всѣ подбираются на всякій случай... Нагнали стрѣлковъ—тѣ идутъ налегкѣ безъ ранцевъ и первыми должны поспѣть завтра на выручку шибкинскому отряду. Этотъ родъ войска болѣе всего не любятъ турки, называющіе нашихъ стрѣлковъ „черноштанниками“. Стрѣлки бьютъ на выборъ, хотя и не производятъ такой трескотни, какъ турки. Они выдерживаютъ ихъ на близкое разстояніе и за 200—300 шаговъ бросаются въ штыки на „ура“, т.-е. дѣлаютъ то, чего не умѣютъ отразить наши непріатели.

Войска къ вечеру утомились, вести ихъ дальше очень опасно. Знали, что на перевалѣ дѣла серьезны; турки неистово лѣзутъ на наши позиціи; чтобы захватить ихъ ранѣе прибытія подкрѣпленій, но, вслѣдствіе предварительнаго похода на Еленъ, мы можемъ поспѣть на выручку только завтра. Солдаты устали такъ, что, не доходя до Габрова, расположились на отдыхъ голодные, рѣдкій пожевалъ сухарей. Торжественное молчаніе здѣсь въ эту тяжелую для защитниковъ Шибки ночь. Сырую долину, гдѣ спали полки, даже не поставивъ

своихъ палатокъ, со всѣхъ сторонъ тѣснятъ высокія горы; чѣмъ ближе къ Шибкѣ, тѣмъ онѣ выше и выше. Впереди—суровыя и скалистыя громады, за ними лѣсной хребетъ, а еще дальше только намѣчиваются густою синью отдаленныя... По всему пути отъ Тырнова до Габрова и здѣсь войско встрѣчало бѣжавшее сюда изъ долины Марицы и Тунджи болгарское населеніе. На колѣняхъ, старики благословляли солдатъ, женщины плакали. Утромъ дали отдыхъ до полудня и чуть не потеряли Шибку, благодаря этому; слѣдовало двинуть въ восемь или ранѣе.

11-го августа жара началась еще невыносимѣе, чѣмъ въ первые два дня; но войска пріободрились, поотдохнули, и солнечныхъ ударовъ было только шесть. Точно во снѣ мелькнуло мимо Габрово. На тѣсныхъ улицахъ съ радостью встрѣчало насъ населеніе; женщины протягивали намъ дѣтей, бросали цвѣты, старики издали крестили солдатъ, мальчуганы пѣли болгарскій гимнъ, подносили вино и воду; изъ-за прочныхъ рѣшотокъ въ окна голубыхъ домовъ пристально смотрѣли на проходившіе мимо полки только теперь свободно вздохнувшіе люди. Въ тѣни высокихъ каменныхъ зданій въ одномъ мѣстѣ бѣжитъ холодный ключъ и падаетъ на каменные плиты. Тутъ солдаты тѣснятся больше всего. Всякій спѣшитъ зачерпнуть воды и напиться. На полчаса мелькнулъ городъ и опять ушелъ на-

задъ съ своею восточною пестротой, говоромъ шумной жизни и радостными толпами.

— Ура! грянуло въ толпахъ солдатъ.

— Что такое? спрашиваю у ближайшихъ.

— А вонъ она.

Высоко въ синеву неба, позади лѣснаго хребта, ушла смѣлымъ взлетомъ крутая вершина св. Николая. Вся она въ дыму. Оттуда слышится частый грохотъ залповъ...

— Ура! подхватываютъ новыя толпы, и гулко бѣжитъ оно по долинамъ и ущельямъ во всѣ стороны Балканскаго предгорья.

Вспыхнула и разгорѣлась пѣсня. Солдаты точно обрадовались; ничего напускного не было. Только здѣсь убѣждаешься, какое ратное товарищество существуетъ между ними. Съ утра слышали: скорѣе, скорѣе, тамъ умираютъ, думаютъ отступить, если не придете во-время. Понятно, что все это дрогнуло отъ внезапнаго порыва, увидѣвъ мѣсто, гдѣ стойко бьются орловцы, брянцы и болгарская дружина, бьются и тають съ каждымъ часомъ, какъ снѣгъ отъ знойныхъ лучей весенняго солнца.

Поворотъ дороги—и св. Николай опять спрятался за окрестныя горы, чтобы через нѣсколько минутъ выдвинуться еще грознѣе и величавѣе. Гора одѣта дорогой, по которой наши разъ уже перешли за Балканы. Идешь впередъ, и глазъ отъ нея не отводишь... Сердце бьется сильно, хочется скорѣе добѣжать туда, пристроиться къ этимъ

умирающимъ рядамъ, уже три дня выдерживающимъ бой одного противъ двадцати... Хочется крикнуть имъ: „стойте, еще часа три, и мы будемъ съ вами“. Лихорадочное нетерпѣніе въ рядахъ солдатъ.

— Дали имъ знать, что идемъ?

— Знаютъ ли они?.. Казаковъ бы спосылать. Еще болѣе волнуются офицеры.

— Посадить бы на лошадей стрѣлковъ... Какъ бы не опоздать... Видать ли имъ отсюда, что мы идемъ?

Вонъ впереди показался казакъ на взмыленной лошади. Во весь опоръ мчится впередъ.

— Гдѣ корпусный?

— А что?

— Помочь скорѣй нужна. Не выстоимъ, больно прутъ, дьяволы...

Больное чувство все растетъ и растетъ... А если будетъ поздно?.. А если все уже кончено?.. Неужели даромъ за этотъ переваль пролилось столько крови, неужели у насъ его отнять? И зорко всматриваешься туда, точно что-нибудь можно на такомъ разстояніи разглядѣть и различить на этихъ крутыхъ скатахъ.

— Ну, что?.. Какъ дѣла?—встрѣчаютъ другого казака...

— Трудно... Ой, какъ трудно... нашихъ мало...

— Да два-то часа неужели не выстоять?

— Два часа выстоимъ. Главная причина — его сила несосвѣтима...

Другого спрашиваютъ:

— Выстоятъ ли?

— Куда выстоять... Со всѣхъ сторонъ, братцы!.. Валомъ валить...

— Ужли отдадутъ орловцы?..

— И рады бы не отдать, да нашихъ мало стало.

Это „нашихъ мало“ быстро пробѣгаетъ по рядамъ. Солдаты безъ приказанія подтянулись и пошли скорѣе. Стрѣлковая бригада и безъ того идетъ быстро, а тутъ точно она добѣжать хочетъ.

— Нашихъ мало!—раскатывается отъ переднихъ рядовъ къ заднимъ. — Богъ милостивъ... Авось часокъ-другой выстоятъ... Вѣсть бы имъ послать, что мы идемъ. Дать знать. Ужели жъ начальство не распорядилось... Должно, извѣстили...

А ущелье, которымъ мы подвигаемся впередъ, все тѣснѣе и тѣснѣе. Налѣво грохочетъ въ скалахъ красивая Янтра. То-и-дѣло черезъ нее перекидываются каменные мосты. По обѣимъ сторонамъ точно давятъ дорогу высокія горы, одѣтыя каштанами и дубами. Одна за другой выдвигаются ихъ зеленыя вершины... Побѣжала лощиной дорога еще уже, еще тѣснѣе, обвивается вокругъ cadaго выступа, точно змѣя, проползающая между каменьями. Такъ версть пять...

— Стрѣлковъ на лошадей сажать велѣно... Стрѣлки на лошадей...

— На лошадей!.. громко и тревожно разносится команда.

— Видно, трудно приходится, Господи благослови...

Роту или двѣ посадили на коней и двинули впередъ, по крутымъ всползнямъ св. Николая; дорога отъ лощины подымается вверхъ. Направо—цѣлое море горныхъ вершинъ. Точно вся эта мѣстность ключомъ вскипѣла, да такъ и окаменѣла... Некогда думать о жарѣ, объ усталости, пѣшіе стараются не отстать отъ конныхъ. Половину стрѣлковъ поставили на отдыхъ—ропотъ между солдатами пошелъ. Когда тутъ отдыхать, чего еще тутъ ждать?

— Пойдемъ, братцы... Вишь, ихъ сила какая. Орловцамъ да брянцамъ не совладать безъ помочи.

И опять то же самое:—Видятъ ли они насъ?.. Замѣтили ли?.. Дали бы знать.

— Скорѣе, братцы, скорѣй! кричитъ налету казакъ, стремглавъ спускаясь внизъ на конѣ.

— Идемъ... торопимся и то...

— Его сила забираетъ. Съ утра отдыху не далъ нашимъ и ночью безпокоилъ—не спали.

— Не ѣли ничего... сообщаетъ другой.— Все отбиваемся... Понатужьтесь, братцы...

— Идемъ, идемъ.

— То-то, скорѣе бы...

И по мѣрѣ того, какъ росла тревога, все

молчаливѣе и сосредоточеннѣе становились солдаты. Крикнетъ одинъ:

— Выстоятъ ли, продержатся ли?

И опять насупятся, только больше шаги стараются дѣлать, да ружья подтягиваютъ. Еще тяжелѣе подъ этимъ палящимъ жаромъ приходилось артиллеріи и житомирскому съ подольскимъ полкамъ. Стрѣлки шли хоть прямо, тѣмъ приходилось поминутно останавливаться. Шли такъ: взведутъ на перевалъ орудіе—стой, спустятъ—опять стой. А тутъ, какъ нарочно, перевалъ за переваломъ, лощина за лощиной. Изморились страшно.

II.

Первые три дня защиты Шибкинскаго перевала.

Подойдя къ Балканамъ, Сулейманъ съ главными силами двинулся прямо на Шибку, часть отправилъ по сторонамъ, чтобы захватить насъ отовсюду. У Сулеймана было болѣе 40 таборовъ войска, сверхъ того къ нему приведено 10 таборовъ арабовъ и 10 таборовъ египетскихъ войскъ. Ихъ позиція занимала 30 верстъ. Уже въ Габровѣ рассказывали, какъ бѣшено полчища турокъ ринулись на наши позиціи, предварительно испепеливъ деревню Шибку, которую 7-го августа долженъ былъ оставить войсковою старшина Кириловъ со своей уральскою и донскими сотнями. Казаки передъ

тѣмъ блистательно прогнали черкесовъ и баши-бузуковъ и преслѣдовали ихъ, пока не наткнулись на пѣхоту. Сначала турки наступали только слѣва. Ихъ безчисленные нападенія въ первый день были изумительны для нашихъ войскъ, привыкшихъ видѣть турокъ отступающими. 8-го и 9-го августа и, сверхъ того, во время затменія въ турецкомъ лагерѣ муллы читали коранъ, на которомъ войска клялись во что бы то ни стало взять Шибку. Колонна за колонной двигались на насъ цѣлый день; чуть только дрогнетъ одна подъ выстрѣлами, слышится рожокъ, наигрывающій наступленіе, затѣмъ крикъ „Алла“, и новая черная масса, стройная и правильная, взбирается вверхъ, чтобы тотчасъ же смѣниться новою. Такимъ образомъ „турецкая“ (т.-е. въ юнѣ отбитая у турокъ) батарея была атакована ими шесть разъ, послѣдній въ полномъ мракѣ. Въ то время, какъ орловцы и дружина, поддержанные на другой день брянцами, голодные, истощенные, усталые, не подкрѣпившіеся сномъ, одни должны были драться съ непріателемъ, турки постоянно посылали свѣжія войска. Въ теченіе двухъ часовъ, какъ рассказывали мнѣ, они одну и ту же свою цѣпь освѣжили, т.-е. перемѣнили въ ней солдатъ шесть разъ. Мы должны были передъ превосходными силами непріателя стянуться со всѣхъ остальныхъ позицій къ горѣ св. Николая. Видимо, что мы имѣли дѣло съ луч-

шими силами Турціи, хорошо обученными. Правильность и стройность движенія ихъ таборовъ, развертывавшихся внизу подъ нами, поражала солдатъ, а упорство нападенія обнаруживало рѣшительное намѣреніе Сулеймана взять переваль чего бы это ни стоило. Турки въ первые дни понесли громадныя потери. Наши били на выборъ, артиллерійскіе снаряды выхватывали сотни жертвъ, трупами набились всѣ лощины, — случилось, что треть колонны ляжетъ, не достигнувъ вершины — кажется, вотъ-вотъ пойдутъ назадъ, нѣтъ — идутъ новыя и свѣжія колонны, и бой кипитъ на томъ же мѣстѣ, а тамъ, глядишь, съ дикимъ крикомъ лѣзутъ на наши скаты слѣва цѣлые ряды красныхъ фесокъ, и изъ лѣсу справа сверкаютъ тысячи ружей, поднимающихся сюда же... Турки играли только три сигнала: наступленіе, сборъ и „начальникъ убитъ, убрать начальника, нельзя убрать“. Наши картечныя гранаты падали въ середину ихъ таборовъ. Въ половинѣ пятаго утра, когда уже было совсѣмъ свѣтло, наши вдругъ оказались отрѣзанными. Какой-то офицеръ, стремглавъ сбѣжалъ съ батареи съ крикомъ: — Взяли, взяли, взяли!

Наши оглянулись, и видятъ, что массы турокъ прошли на наши позиціи и заняли на нихъ сѣдловину, по которой идетъ шоссе. Такимъ образомъ они были между нашимъ резервомъ и перевязочнымъ пунктомъ съ

одной и орловскимъ полкомъ съ болгарскими дружинами съ другой стороны. Не знаю, что произошло бы, если бы рота брянскаго полка, не ожидая команды, сама не бросилась атаковать смѣлый таборъ. Для этого она вышла изъ ложементъ, гдѣ сидѣла и отстрѣливалась отъ наступавшаго съ другой стороны непріятеля. Въ то же время, оглянувшись на круглую батарею, наши увидѣли, что артиллеристъ Поликарповъ, въ виду непріятеля и подъ огнемъ у него, молодецки рубить новыя амбразуры, чтобъ обернуть пушки противъ турокъ, занявшихъ тылъ у шоссе. Нужно было прибавить, что маневръ этотъ исполненъ былъ, когда батарея была безъ всякаго прикрытія. Всѣ бѣжали въ шанцы. Общее настроеніе характеризуется разговоромъ офицера, который сообщилъ, между прочимъ:

— Я бѣгу въ шанецъ, а самъ смотрю, есть ли пуля въ револьверѣ, чтобы застрѣлиться, если бы непріятель окружилъ меня.

Къ счастью, брянской ротѣ удалось штыками опрокинуть турокъ. Что они серьезно готовились занять нашъ тылъ, видно было изъ сосредоточенія девяти таборовъ лучшаго войска подъ нашей круглой батареей. Во время суматохи перевязочный пунктъ бѣжалъ, остался только одинъ докторъ Коньковъ. Тотъ самый, который подъ Эски-Загрой, замѣтивъ, что ротный командиръ и другіе офицеры убиты, самъ сталъ во гла-

въ роты и повелъ ее въ штыки. Съ Коньковымъ застрѣлъ поварь болгарскаго ополченія, русскій солдатъ.

— Что жъ ты не уходишь? спрашиваютъ его.

— А какъ же посуда будетъ, ваше высокоблагородіе?

Коньковъ, остававшійся на перевязочномъ пунктѣ, наконецъ, истратилъ бинты и сталъ перевязывать раны парусиною турецкой палатки. Все это время надъ позиціями стоялъ такой страшный огонь, что для посылки приказаній надо было вызывать охотниковъ.

Оглушающій крикъ отовсюду, трескотня выстрѣловъ... Усталъ, голодъ, а пуще всего жажда. Напиться негдѣ, воды ни капли... Когда пріостанавливалась атака, солдаты, рискуя жизнью, бѣжали за водой чуть не въ черту неприятельскаго стана! Можно положительно сказать, что вода стоила жизни. Черкесы смѣло засѣли надъ водоемомъ, и мы должны были брать его съ боя. Одно было спасеніе. Въ первые три дня турки не выдерживали нашего „ура!“ Наши крикнуть, бросятся на нихъ сверху, точно лавина—и сметутъ внизъ турецкія колонны. Атаки были до того неистовы, что турки хватились за наши штыки, стягивая къ себѣ такимъ образомъ солдатъ, и рубили ихъ на куски. Наши раненые, оставшіеся внизу, были изуродованы до послѣдней крайности. Я отказываюсь описывать мученія, которымъ они

подвергались. Одинъ офицеръ, окруженный турками, застрѣлился самъ, потерявъ надежду выйти изъ этого круга цѣлымъ. Во второй день были моменты, когда наши батареи молчали, перестрѣлявъ всѣ снаряды, а между тѣмъ атаки становились все бѣшенѣе и бѣшенѣе, наши бросали навстрѣчу вздымавшимся колоннамъ громадные камни, которые сметали внизъ ряды турокъ. Въ третій день въ горной батарее вышли снаряды. — Картечную гранату! командуетъ громко Константиновъ, замѣчая начавшуюся панику, и въ то же время обращается къ поручику Лихачову: „у меня нѣтъ ни одной!“ Въ этихъ нападеніяхъ на нашъ флангъ прошелъ первый день. Тутъ турки развернули всѣ свои силы, какъ на парадѣ. Въ полдень они пробовали взвести свои орудія на бугоръ, чтобы сверху бить по нашимъ, но наши пушки грянули по нимъ такъ удачно, что опрокинули ихъ въ пропасть, орудія попадали „кувыркомъ“, а прислугу перебила разомъ подоспѣвшая рота съ нашей стороны... Каждый солдатъ нашъ въ этотъ памятный день былъ героемъ. Трусовъ, нерѣшительныхъ не оказывалось. Офицеры въ ложементахъ не сидѣли и не лежали, а все время или стояли, или ходили, указывая, куда стрѣлять, и въ свою очередь служа цѣлью для непріятели. Болгарская дружина вела себя такъ же изумительно. Разъ пятнадцать человекъ болгаръ опрокинули и погналы 180 турокъ подъ об-

щее „ура“ и одобрительныя восклицанія орловскаго полка, усѣявшаго карнизы горы. Одинъ изъ дружинниковъ Грудновъ взялъ обыкновенную гранату, бросился въ турецкую колонну и кинулъ снарядъ о земь. Разумѣется, побило не мало турокъ, при чемъ и Груднову досталось отъ осколка, задѣвшаго его. Въ концѣ перваго дня болгарское ополченіе и орловцы поклялись лечь костями, а не отдать перевала. На другой день брянцы присоединились къ этой клятвѣ. „Ляжемъ до послѣдняго человѣка!“ Вся слава перваго дня принадлежитъ горсти орловцевъ и болгарскимъ дружинамъ, между которыми было 500 человѣкъ только три дня какъ приведенныхъ, совершенно новаго народа. Значительная часть героевъ Эски-Загры и забалканскаго похода давно уже лежитъ въ могилахъ долины Тунджи. Нынѣшніе ополченцы — молодежь, только что обученная, но показавшая себя достойной своихъ предшественниковъ. Маленькому отряду не приходилось покидать своихъ ложементовъ, потому что нападеніе шло съ трехъ сторонъ одновременно. Иногда одна кучка, человѣкъ въ двѣсти, останавливала напоръ массы тысячи въ три человѣкъ. Турки не выдерживали нашего огня; но часто такимъ небольшимъ толпамъ приходилось кидаться внизъ и, жертвуя передовыми бойцами, опрокидывать турокъ, словно обвалъ сползавшихъ внизъ, въ лоцины... Прибавь-

те къ этому, что условія мѣстности чрезвычайно благопріятствовали туркамъ. Лѣсъ почти доходитъ до нашихъ позицій, мы только по грохоту шаговъ и крикамъ могли знать, что они идутъ, и первое время каждой атаки стрѣляли на удачу. Зато турки буквально осыпали нашу круглую и турецкую батарею, болгарское ополченіе и шоссе пулями.

Въ этотъ первый день героической защиты Шибкинскаго перевала уже пришлось пустить въ дѣло фугасы, заряженные динамитомъ. Съ первымъ случилась неудача. Взорвали раньше, чѣмъ слѣдовало, зато потомъ—цѣлыя толпы турокъ сбрасывались внизъ массаами земли и камня, взметывавшимися вверхъ и по сторонамъ отъ взрыва.

Ночью наши солдаты почти не имѣли времени отдыхать. То-и-дѣло завязывалась перестрѣлка съ разными отрядами черкесовъ, арабовъ и баши-бузуковъ, которые, занявъ лѣсныя трущобы и спрятавшись за скалы, посылали оттуда пулю за пулей. Второ́й день ознаменовался тѣмъ, что прибывшіе ночью брянцы приняли участіе въ дѣлѣ. Солдаты немного оправились, напились воды, турки въ этотъ день почти не атаковывали насъ. Не болѣе четырехъ атакъ было на св. Николаѣ, да и тѣ непріятель дѣлалъ далеко не съ тою стремительностью, какъ прежде. Зато наши позиціи обстрѣливали отовсюду, чтобы, во-первыхъ, отвлечь наше вниманіе и обойти насъ кругомъ; а

во-вторыхъ, безъ помѣхи съ нашей стороны поставить двѣ батареи и провести подъ ихъ защитой ряды траншей. Роясь такимъ образомъ, турки къ вечеру уже подошли къ намъ на 600 шаговъ. Турки такъ пристрѣлялись, что выставленные изъ ложементовъ шапки были пробиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Сверхъ того, непріятель занималъ въ это время разные выгодные для него пункты. Мы, по малочисленности нашихъ силъ, не могли ихъ защищать, чтобы и безъ того растянутую нашу линію не растягивать еще болѣе. Солдаты шибкинскаго отряда весь день находились въ выжидательномъ положеніи. Отбивъ нападенія, они ожидали еще и не могли отдохнуть какъ слѣдуетъ. Вообще первыя двѣ ночи они не могли спать, потому что работали ложементы, зарывались въ землю отъ выстрѣловъ. Сдѣланные ранѣе, въ іюль, оказались никуда негодными. Горячей пици, понятно, они не имѣли. Только на вторую ночь имъ принесли порціи мяса. Послали за подкрѣпленіемъ, при чемъ имъ было объявлено, что на другой день утромъ придутъ стрѣлки, житомирцы и подольцы. Это еще нѣсколько поддерживало нашъ отрядъ. Въ батареяхъ снарядовъ оставалось очень мало, зарядовъ для ружей — тоже. На всемъ пространствѣ, занятомъ нами, не было аршина безопаснаго мѣста. Пули сыпались сверху отъ навѣсныхъ выстрѣловъ подъ

угломъ 35°; пули летали въ блиндажи и горизонтально; некуда было укрыться. Убивали и ранили на перевязочномъ пунктѣ. Всѣ съ ужасомъ думали, что будетъ, если наши опоздають... Четыре атаки второго дня были уже направлены оттуда, откуда никто и не ожидалъ непріятеля; видимо, что турки за ночь сосредоточили силы на новыхъ позиціяхъ и обложили насъ еще тѣснѣе. Уже въ этотъ день они стали во кругъ горы св. Николая—подковой. Стоило лишь соединить концы подковы, и шибкинскій отрядъ былъ бы отовсюду отрѣзанъ. Этого боялись болѣе всего; при нашей малочисленности мы не могли помѣшать туркамъ. Отчего они не сдѣлали этого—не знаю. Боялись ли они, чтобъ мы не зашли имъ въ тылъ, или не знали толкомъ, сколько насъ здѣсь? Послѣднее едва ли вѣрно, потому что организація лазутчиковъ у турокъ изумительная. Имъ извѣстно все, даже въ послѣдующіе дни они отлично угадывали части, которыя идутъ противъ нихъ, и выкрикивали фамиліи офицеровъ, командующихъ этими частями *).

Большая часть офицеровъ была перебита уже въ этотъ второй день. Черкесы начали показываться въ тылу у насъ. Дорога обстрѣливалась отовсюду, даже по одиночнымъ всадникамъ стрѣляли залпами.. Такъ, среди общей тревоги и лихорадочнаго ожи-

*) Напримѣръ, капитана Грекова.

данія помощи окончился второй день, и наступила вторая ночь. Въ эту ночь тоже солдатамъ было мало отдыха. Турки били по нимъ отовсюду и даже навѣсными выстрѣлами старались, и не безуспѣшно, попадать за валы.

Все-таки сравнительное затишье второго дня было обманчиво. 11-го августа турки уже съ трехъ сторонъ, въ 4 часа утра, кинулись на наши позиціи. Наступленіе ихъ въ этотъ день было особенно стремительно. Очевидцы говорятъ, что турки казались пьяными и бессмысленно лѣзли на брустверы батарей и на валы ложементовъ. Всѣ солдаты и офицеры вполнѣ подтверждаютъ это. Видимо, Сулейманъ и Реуфъ-паша получили свѣдѣніе, что русскія подкрѣпленія приближаются—и во что бы то ни стало хотѣли покончить съ Шибкой сегодня же. Они ударили на насъ въ лобъ и съ боковъ и, наступая одновременно съ трехъ сторонъ, постоянно мѣняли свои колонны. Сверху видѣли, какъ, по мѣрѣ подъема, колонны эти таяли и таяли, но на смѣну имъ какъ будто изъ земли вырастали новыя. Нашъ отрядецъ стоялъ бодро, имѣя въ виду обѣщанныя подкрѣпленія къ утру. Съ праваго фланга въ это время турки начали обходъ, ихъ встрѣтили только двѣ роты орловскаго полка. Потомъ послали туда 6½ ротъ орловскаго и брянскаго полковъ, которые одни дрались противъ 8 или 9 таборовъ турокъ, постоянно смѣнявшихся. Бой-

ня тутъ продолжалась цѣлый день—и наши позиціи удалось отстоять. Утро прошло—никто не явился, положеніе становилось ужаснымъ, нападенія турокъ не прекращались. Нельзя сосчитать ихъ, скорѣе можно сказать, что весь этотъ день былъ однимъ не прерывнымъ наступленіемъ ихъ съ трехъ сторонъ. Южный склонъ св. Николая почти отвѣсный; несмотря на это, непріятель лѣзъ на него отчаянно.—Крики „Алла“ не прекращались съ утра. Шесть разъ наши ходили въ атаку и выбивали турокъ изъ занятыхъ ими ложементовъ. Изъ 100 раненыхъ подбирали одного—остальные гибли. Отрядъ таялъ съ каждой минутой. Выбьютъ врага—черезъ часъ являются безчисленные полчища, развертываются правильныя колонны, и наши должны уступить. Брянскій полкъ потерялъ своихъ штабъ-офицеровъ и почти всѣхъ оберъ-офицеровъ. Солдатъ выбивали изъ строя сотнями, ряды наши рѣдѣли и рѣдѣли. Еще нѣсколько часовъ—и Шибка останется безъ защитниковъ. Въ эту критическую минуту дружина, орловцы и брянцы дали обѣтъ еще разъ: ни подъ какимъ видомъ, пока живы, не уступать перевала. Позади въ тылу уже показались черкесы, подготовленные Сулейманомъ для преслѣдованія, они даже по сторонамъ подъ самымъ носомъ у насъ гнѣздами засѣли въ лощины и за деревья густого чернолѣсья и открыли оттуда огонь на выборъ. Прибавьте къ этому, что 11-го

августа ни у кого даже и сухарей уже не было, и мы до вечера оставались голодными. Воды у отряда—ни капли. Дѣло дошло до того, что тамъ, гдѣ еще недавно стѣною стояли солдаты, ютились небольшія кучки бойцовъ, едва отбивавшихъ непріятельскія атаки... Утромъ, когда подкрѣпленіе не явилось, начальники сообщили, что войска наши придутъ въ два часа. Въ страшной рѣзни прошелъ полдень, прошелъ часъ, два, три, а въ сторонѣ къ Габрову не видно было ни одного солдата. Въ отрядъ закрадывалось отчаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, колонны непріятеля обновлялись каждую минуту, наши только умирали на своемъ мѣстѣ, рѣдѣя, какъ рѣдетъ поле подъ косою... Все было завалено трупами внизу. Нашъ огонь убійственно дѣйствовалъ на турокъ, но опьянѣвшія отъ дикаго фанатизма и отъ вліянія опиума толпы ихъ все прибывали и прибывали, проходя вверхъ по тѣламъ павшихъ товарищей. Нѣкоторые рвы съ верхомъ были завалены ими, трупы грудами лежали между деревьями, тѣмъ не менѣе сигнальные рожки все еще сзывали новыя подкрѣпленія, и участь Шибки казалась рѣшенной.

Нашихъ становилось такъ мало, что солдаты для защиты позицій должны были перебѣгать съ мѣста на мѣсто, а вдали все еще не показывалось подкрѣпленій. Раненые не уходили—потому что безъ нихъ некому было

бы защищать позиціи. Узнавъ отъ вновь раненыхъ о томъ, что тамъ осталось мало солдатъ, уже перевязанные возвращались назадъ въ ложементы...

— Надо постараться... Время такое. Все одно умирать.

Въ рѣдкія минуты отдыха утомленные бойцы пристально всматривались въ синеву ущелій, по которымъ змѣится дорога на св. Николай, но она оставалась все также пустынной и безлюдной. Если что и шевелилось на ней, такъ это партіи черкесовъ, пробиравшихся къ намъ въ тылъ. Во время атаки, для того, чтобы удерживать превосходныя силы непріятели, солдатамъ болгарской дружины приходилось бросаться въ толпу враговъ по одиночкѣ и, схватясь за дуло ружья, работать прикладомъ. Въ такой борьбѣ прошло нѣсколько часовъ. Въ два часа пополудни позади, въ тылу, все такъ же было тихо, какъ и раньше — подкрѣпленія не показывались. Полное уныніе охватывало души начальниковъ и солдатъ. На этихъ горахъ, облитыхъ кровью, приходилось лечь и остальнымъ, покинувъ ихъ торжествующему врагу. Рѣшились ждать еще нѣсколько часовъ, но уже ждать безъ надежды...

— Насъ забыли, бросили... Видно, силы нашей не хватаетъ... Одолѣлъ врагъ, — говорили солдаты.

Что бы то ни было, объ отступленіи никто не думалъ... Только разъ съ правой сторо-

ны потянулась масса раненыхъ, а за ними и здоровые, оставшіеся безъ патроновъ. Навстрѣчу имъ Липинскій.

— Куда вы, братцы? Отступленія нѣтъ и не будетъ!

Смѣшанная толпа орловцевъ, брянцевъ и дружинниковъ тотчасъ повернула назадъ. Къ нимъ примкнули и раненые. Тотчасъ же на этотъ пунктъ кинулись турки. Вернувшіеся встрѣтили ихъ чѣмъ попало: швыряли камнями, обломками ружей, комьями земли. Обыскивали убитыхъ — нѣтъ ли патроновъ, и такимъ образомъ все-таки отстояли позицію.

Все возможное для героизма и самопожертвованія было уже сдѣлано, оставаться здѣсь долѣе — значило рѣшиться на великое историческое самоубійство... Орловцы плакали, предвидя возможность, что эти позиціи безъ защитниковъ будутъ заняты врагами. Солдаты умоляли офицеровъ не отдавать Шибки: Кровью добыли, всѣ до одинаго здѣсьи ляжемъ.

Точно ихъ сердца приросли къ этимъ голымъ скаламъ и сѣрымъ откосамъ... Какъ вернуться назадъ, не отстоявъ ихъ! Офицеры тоже думали, что Шибкинскій переваль — узелъ, пульсъ войны, что вторично брать его обойдется намъ еще въ нѣсколько десятковъ тысячъ жизней. Мрачно еще стояли солдаты, но большая часть уже отбивалась машинально, механически. Извѣрились въ поддержку своихъ и умирали съ горькимъ чувствомъ брошеннаго и забытаго бой-

ца. Тѣмъне менѣе приказанія объ отступленіи не было и не могло быть. Не подоспѣй войска, Шибка надолго была бы потеряна для насъ. Дрогнула, наконецъ, часть ея защитниковъ солдатъ, послѣднія горсти которыхъ были изморены трехдневнымъ безустаннымъ боемъ... Въ это время шла „пьяная“ атака непріятели. Онъ подобрался на 30 шаговъ къ фугасамъ. Поручикъ Романовъ, уже раненый, держалъ проводники отъ минъ, въ лихорадочномъ ожиданіи момента взрыва. Не доходя до горы, въ колоннахъ турокъ показалась какая-то суматоха, они кинулись назадъ, чтобы тотчасъ же озлобленнѣе и рѣшительнѣе броситься въ новую атаку.

Думали, что смерть нашимъ приходитъ. Изъ всѣхъ щелей вылѣзали враги. „Алла!“ просто въ ушахъ звенѣло. На наше „ура“ никакого вниманія не обращали. Видимѣ, турки, провѣдавъ о чемъ-то, рѣшились взять Шибку теперь, — сейчасъ или никогда. Солдаты едва отбивались, есть же предѣлы и для героевъ!.. Ряды за рядами умирали подъ ударами. Шагъ за шагомъ оказывался въ рукахъ у непріятели, стойко двадцать на одного подвигавшагося впередъ. Какой-то паша на бѣлой лошади позади подбодрялъ отстававшихъ, турецкіе офицеры пристрѣливали тѣхъ изъ своихъ, кто бѣжалъ.

Конецъ!.. Еще нѣсколько минутъ, и Шибка — турецкая опять, и лавина варваровъ обрушится оттуда въ долины Янтры и Лома,

чтобы, испепеливъ Габрово, Дреново, Травну и Тырново, облить кровью эту благословенную небомъ страну...

Далеко-далеко слышался какой-то гулъ... Громче и опредѣленнѣе... Остановились и враги, и наши, и вперили усталые взоры на дорогу къ св. Николаю...

Далеко на ея извивахъ легли какія-то тѣни... Что-то сверкаетъ подъ лучами заходящаго солнца... Неужели идутъ свои?.. Гулъ все растетъ... Складывается въ громкое, неудержимое „ура“; „ура“ подхватывается ранеными на перевязочномъ пунктѣ, какъ молнія перекидывается на вершину св. Николая. Подъ радостный крикъ, верхомъ на лошадяхъ, стремглавъ подскакали стрѣлки, и вдругъ св. Николай, опять оцетинившійся штыками, бросаетъ въ колонны турокъ огонь и смерть... Точно и не бывало устали, точно эти люди три дня не дрались на своихъ постахъ. Не думая уже о себѣ, забывъ голодъ и изнеможеніе, всѣ сразу безъ приказанія бросились съ позицій въ наступленіе, и (воодушевленіе дѣлаетъ чудеса) разомъ смели внизъ озлобленную массу непріятеля, а задніе ряды въ это время уже обнимались и цѣловались съ прискакавшими стрѣлками.

Шибка была спасена.

Честь и слава трехдневнаго боя и защита Шибкинскаго перевала безраздѣльно принадлежитъ нашему безотвѣтному, сѣрому армейскому солдату!

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ

вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ,
съ означеніемъ ихъ корней.

Изданіе девятое исправленное и дополненное

В. Кошкарнымъ.

М. 1899 г. Ц. 60 к., въ пер. 85 к.

Предпринимая изданіе настоящаго словаря, я имѣлъ цѣлью дать возможность каждому приобрести полезную книгу по самой общедоступной цѣнѣ. По своей полнотѣ этотъ словарь имѣетъ большое преимущество передъ другими изданіями того-же рода: въ немъ помѣщено около 20,000 словъ, тогда какъ этотъ-же словарь (Михельсона и Бурдона, цѣна 4 р.) въ прежнихъ изданіяхъ, хотя и былъ озаглавленъ: „150000 иностранныхъ словъ“, однако содержалъ въ себѣ всего 22—23 тысячи словъ, въ томъ числѣ массу лишнихъ, какъ-то: переводъ еврейскихъ и другихъ собственныхъ именъ, спеціальныхъ латинскихъ названій различныхъ болѣзней, медицинскихъ и другихъ терминовъ и т. д., которые изъяты при исправленіи. Словарь же Дубровскаго (цѣна 1 р.) содержитъ въ себѣ всего 15—16 тысячъ словъ. Источниками при исправленіи и дополненіи словаря служили: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, словарь Граната и другія не менѣе извѣстныя изданія. Кромѣ того я приложилъ всѣ старанія, чтобы дать книгѣ изящную внѣшность: словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 476 стр. убористой, отчетливой печати въ два столбца. Насколько я достигъ своей цѣли—предоставляю судить читателю (публикѣ).

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Θ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читалень.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія въ баснямъ (по В. Θ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Томе, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 75-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. Ч. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 к., въ папѣ 20 к. и въ коленкор. перепл. 35 к.

Цѣна 10 коп.